

УДК [821.111(410)](091)

ОБРАЗ АВТОРА И ПРОБЛЕМА МОДАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ЭНН БРОНТЕ «АГНЕС ГРЕЙ»

Е.А. Полякова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

Статья посвящена проблеме автора, рассматриваемого как субъект сознания, выражением которого является весь текст. В качестве основной проблемы выделена модальность, которая проявляется в авторской оценке событий, героев и мира в целом.

Ключевые слова: автор, образ автора, модальность, уровни, точка зрения, формально-субъектная, содержательно-субъектная организация текста, роман.

The Author's Image and the Problem of Modality in the Novel "Agnes Grey" by Anne Bronte

Elena Polyakova

The article deals with the problem of the author as the subject of consciousness, expressed through the text in its entirety. Special emphasis is laid on modality, revealed in the author's evaluation of events, characters, and the world in general.

Key words: author, author's image, modality, levels, point of view, formal subjective text structure, content subjective text structure, novel.

При анализе романа Энн Бронте «Агнес Грей» ("Agnes Grey", 1847) продуктивным представляется тезис Б.О. Кормана: «произведение в целом является сочетанием субъектных сфер, за каждой из которых стоит некий субъект сознания. За всем же произведением стоит самое высокое, итоговое сознание носителя (субъекта), которого мы определим как автора» [1]. Итак, автор есть носитель (субъект) сознания, выражением которого является все произведение.

Отсюда вытекает мысль об опосредованности автора. Какой бы фрагмент текста ни рассматривался, в нем невозможно обнаружить непосредственно присутствие автора. «Речь может идти лишь о его субъектных опосредованиях, более или менее сложных. Когда же рассматривается произведение как целое, автор здесь опосредован всей субъектной организацией» [1].

Объектом нашего рассмотрения является роман «Агнес Грей» [2]. Цель статьи – охарактеризовать образ автора в романе и проанализировать проблему модальности, т.е. проследить, как

«концептированный» автор [3] проявляется на уровне текста. Под модальностью на уровне предложения-высказывания понимается «категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания (субъективная модальность) и отношение последнего к действительности (объективная модальность). Объективная модальность, по сути, отражает, как говорящий (автор) квалифицирует действительность – как реальную или ирреальную, возможную, желаемую и др. Таким образом, модальность реализуется на лексическом, грамматическом и интонационном уровнях» [4].

Однако категория модальности может быть вынесена за пределы предложения-высказывания – в текст и речевую ситуацию [4]. Тогда на передний план выдвигается сам акт коммуникации, т.е. взаимоотношения автора и читателя.

Таким образом, «модальность текста – это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю. Общая модальность как выражение отношения автора к сообщаемому заставляет воспринимать текст не как сумму отдельных единиц, а как цельное произведение» [4].

Модальность текста проявляется на разных уровнях: 1) прямо-оценочном, 2) косвенно-оценочном, 3) отражение в языке (проблема стиля) [1]. В романе «Агнес Грей» «формально-субъектная организация» преобладает над «содержательно-субъектной» [3].

Правомерно говорить об изменении субъектной организации на протяжении всего романа Энн Бронте «Агнес Грей», где автор переходит от идеалистического взгляда на жизнь к реалистическому. Первая часть романа выражает романтическое мироотношение автора, убежденного в том, что в действительности есть две сферы, наглоухо отделенные одна от другой: область поэтического (идеальные мотивы поведения, Бог и его заповеди, красота, чистота, прекрасная природа) и область прозаического (греховная природа людей, материальные интересы, расчет, корысть, быт, повседневность). Эта концепция двоемирья, столь важная для романтизма, определила не только проблематику и систему образов книги, но и структуру текста, его субъектный строй, его стиль.

Сюжет романа повторяет достаточно традиционную схему, особенно часто разрабатываемую в викторианскую эпоху в так называемом «женском романе». Юная девушка Агнес Грей, выросшая

в семье бедного священника, после потери отцом своего небольшого состояния покидает родной дом и устраивается на работу гувернанткой в чужие семьи. Мотивы такого решения неоднозначны – Агнес хочет увидеть свет, кроме того, ей необходимо помочь обедневшей семье. Привлекает ее и возможность доказать себе и родным собственную значимость.

С самого начала в романе противопоставляется идиллически патриархальный мир добрых родителей Агнес жестокой действительности, с которой девушка сталкивается в семьях Блумфилдов и Мерреев. В первом случае ее мучают невоспитанные и неуправляемые дети, а во втором – хозяйка дома, миссис Меррей, озабочена не воспитанием дочерей, а возможностью их удачного замужества. Встреча с викарием местного прихода мистером Уэстоном, покорившим ее сердце, поначалу рождает у Агнес надежду на светлое будущее. Но коварная воспитанница Розали Меррей ради развлечения пытается влюбить в себя Уэстона. Ситуация осложняется тем, что Агнес вынуждена вернуться домой, так как ее отец умирает, а мать нуждается в поддержке и помощи.

Под ударами судьбы Агнес отчаявается, не надеясь снова встретить мистера Уэстона и выйти замуж. Утешением Агнес Грей становится мысль о том, что самое большое счастье в жизни – выполнять свой долг и никому не желать зла. Однако в finale романа автор вознаграждает героиню случайной встречей с мистером Уэстоном, объяснением в любви и счастливой свадьбой с дальнейшим описанием семейной идиллии.

Такой “happy end” романа, не вытекающий непосредственно из его сюжета, демонстрирует не столько закон жизни, сколько желание автора вознаградить Агнес Грей и доказать себе, что добро побеждает, и патриархальный мир может быть восстановлен.

Если описание родной семьи Агнес Грей, ее жизни после замужества представляет единый мир, то большая часть романа – повествование о жизни Агнес Грей в чужих семьях – подтверждает существующее двоемирие. Это позиция автора и ее героини.

Первая часть романа подтверждает существующее двоемирие. Она отражает сознание человека, убежденного в абсолютной разделенности и принципиальной неравноценности разных жизненных сфер, знающего раз и навсегда, что низкая и прозаическая действительность достойна лишь иронического отношения.

При переходе к субъектному строю основного текста заметно, что его большая часть принадлежит первичному субъекту речи – повествователю: остальная – вторичным субъектам речи – героям и представляет собою их прямую речь. В качестве первичного субъекта речи выступает Агнес Грей. Вторичные субъекты представлены высокомерными мистером и миссис Блумфилд, их невоспитанными детьми Томом, Мэри Энн и Фанни, поглощенными светской жизнью мистером и миссис Меррей, их дочерьми, капризной Розали и грубоватой Матильдой, священниками, добрым и внимательным мистером Уэстоном и заискивающим перед знатью мистером Хэтфилдом, а также другими персонажами романа. Это деление текста по «формально-субъектному признаку в общем соответствует его делению по содержательно-субъектному признаку» [3]. Иными словами, в основном тексте обнаруживаются два сознания: поэтическое (его носителем является повествователь) и прозаическое (носителями которого являются другие герои романа).

Текст, с «формально субъектной точки зрения» [3], принадлежит Агнес Грей. «Содержательно-субъектная организация текста» [3] гораздо богаче и сложнее. Носитель речи здесь двоится. Эта двойственность связана с тем, что личный житейский опыт Агнес есть опыт наивной молодой девушки, не знающей никакой другой жизни кроме той, которую она имела в любящей семье, тогда как ее «идеологический опыт» (Б.О. Корман) является опытом передовой, сильной духом женщины, которая обрела свой путь в жизни и счастье благодаря трудностям и в результате упорной внутренней работы над собой. Иными словами, в произведении есть как бы две Агнес Грей: одна – дочь бедного священника, другая – жена священника, мать семейства. Первая пережила, испытала все, что описано в произведении. Вторая описывает все то, что пережила первая. Так они разделены.

Но они и объединяются – идеологически и биографически. Идеологически они объединены тем, что для обеих семьи, любовь, Бог и выполнение долга есть высшие ценности. Биографически же они объединяются тем, что автор записок и герой записок суть один и тот же человек на разных этапах жизни. Таким образом, можно сказать, что авторская концепция мира среднего сословия образованных людей, которые зарабатывают свой хлеб профессией, выражена субъектно. Кроме самой Агнес ценности, установки этого

began to ascend the opposite hill); под ним – земля; вдали – холм, на котором расположена церковь рядом с домом ее отца, а за ними в тени – вся деревня. Субъект речи отдален от той картины, на которую он смотрит.

Повествователь вмещен в этот мир не только пространственно, но и во времени (временная точка зрения). Иными словами, его время (время рассказа о событиях) не отделено от времени, в котором описываемые события разворачиваются. И хотя картина показана в прошедшем времени, в ней чувствуется совмещеннность субъекта и объекта.

Сам пейзаж воспринимается как застывший, не меняющийся (причастие *basking*, глагол *was* прямо передают статическое состояние мира), хотя луч света и сама героиня подвижны по отношению к пейзажу (глаголы *cross*, *ascend*, *toil*, *turn away*, *clasp* - по отношению к героине и причастия *wandering*, *departing*, относящиеся к лучу света).

Характер пространственной и временной точек зрения не случаен. Он связан с представлением об абсолютности как неотъемлемом признаке идеального мира – бесконечного в пространстве и вечного во времени. Мысль о том, что воссозданная здесь сфера воспроизводит представление об идеале, подтверждается в тексте прямо-оценочной точкой зрения: *somber shade*, *old grey parsonage*, *gloomy shadow* – создающей ощущение статичного, темного фона, к которому всегда будет принадлежать церковь, станичный дом пастора, и деревня. В то же время, на этом фоне есть луч надежды (*basking in a slanting beam of sunshine*; *sickly ray*; *propitious omen*, *a blessing*). Таким образом создается ощущение одиночества в этом огромном сером монументальном мире, но не без веры в поддержку Бога.

Кроме поэтической сферы в романе «Агнес Грей» есть и иная сфера – быта, повседневности, прозаической действительности. Следующий фрагмент демонстрирует изменение в соотношении поэтического субъекта сознания и прозаической действительности.

Yet, after all, when we entered the lofty iron gateway, when we drove softly up the smooth, well-rolled carriage road, with the green lawn on each side studded with young trees, and approached the new but stately mansion of Wellwood, rising above its mushroom poplar-grove, my heart failed me, I wished it were a mile or two farther off. For the first time in

мира передаются словами матери Агнес и словами мистера Уэстона. Мир же высшего сословия субъектно представлен как прямой, так и непрямой речью Розали Меррей, ее матери, миссис Меррей, сестры Матильды и репликами других менее значительных персонажей.

Поскольку субъект сознания выявляет себя через многочисленные точки зрения, необходимо их описать.

В первой части романа практически нет описания природы, пейзажей, которых достаточно во второй части. Кроме того, пейзажные зарисовки во всех случаях относятся у автора к миру божественного, созданного богом, идеального, поэтому они все выполнены в романтическом ключе. Показательным является описание момента из первой части, когда главная героиня рано утром на рассвете покидает отчий дом. Ей грустно, она тревожится и за себя, и за своих близких. Ее дом вместе с беззаботным периодом жизни остается позади, а неизвестная новая жизнь находится еще далеко впереди.

«We crossed the valley, and began to ascend the opposite hill. As we were toiling up, I looked back again: there was the village spire, and the old grey parsonage behind it, basking in a slanting beam of sunshine – it was but a sickly ray, but the village and surrounding hills were all in somber shade, and I hailed the wandering beam as a propitious omen to my home. With clasped hands, I fervently implored a blessing on its inhabitants, and hastily turned away, for I saw the sunshine was departing; and carefully avoided another glance, lest I should see it in gloomy shadow, like the rest of the landscape» [2. C. 33].

«Мы пересекли долину и стали подниматься на противоположный холм. В то время, как мы с трудом поднимались наверх, я снова оглянулась – позади была колокольня и за ней наш старый серый дом, греющийся в наклонном луче солнца. Он был слабый/тонкий, поэтому деревня и холмы вокруг были в мрачной тени, и я восприняла этот блуждающий луч как добро предзнаменование моему дому. Сжав руки, я горячо помолилась о благословении для его обитателей и поспешно отвернулась, потому что заметила, что солнце начало уходить за облака, и осмотрительно не оглядывалась еще раз, чтобы не увидеть дом в угрюмом сумраке, как и остальной пейзаж» (перевод мой - Е.П.).

Точка зрения повествователя видится в том, что он – пространственно в центре огромной сферы: над ним – небо (we...

means of compressing his waist into a remarkably small compass, and that, together with unnatural stiffness of his form, showed that the lofty-minded, manly Mr. Robson, the scorner of the female sex, was not above the foppery of stays [2. С. 86].

«Дядюшка Робсон, брат миссис Блумфилд, высокий, независимый, с темными волосами и землистым цветом лица, как у его сестер, с носом, который, как казалось, презирал землю, и маленькими серыми глазками, часто полузакрытыми, в которых была смесь тупости и напускного презрения ко всем окружающим объектам. Он был коренастый, плотного телосложения, но тем не менее нашел какие-то способы стянуть свою талию до невероятных пределов, и это вместе с неестественной прямотой его осанки показывало, что высокомерный, мужчина до кончиков ногтей, мистер Робсон, презирающий женский пол, снисходил до того, чтобы шеголять в корсете» (перевод мой – Е.П.).

Отношение автора выражается через прямо оценочные метафоры и выражения “a nose that seemed to disdain the earth” (нос, который, казалось, презирал землю), “a mixture of stupidity and affected contempt” (смесь тупости и напускного презрения) и с помощью контраста между тем, чем мистер Робинсон был и хотел казаться, т.е. автор высмеивает лицемерие окружающих, которое было неотъемлемой частью эпохи. Он был “no gentleman” (не джентльмен), неравнодушен к женскому полу, “supercilious” (высокомерный, надменный), недалекий человек, но хотел выглядеть “lofty-minded” (высокомерный, возвышенного ума), “manly” (мужчина до кончиков ногтей), “the scorner of the female sex” (презирающий женский пол). Однако же вся характеристика выражает только точку зрения повествователя, а авторская точка зрения проясняется дополнением: “... and people little know the injury they do to children by laughing at their faults, and making a pleasant jest of what their true friends had endeavoured to teach them to hold in great abhorrence” [2. С. 76].

«Многие люди не отдают себе отчета в том, как они портят детей, посмеиваясь над их провинностями и обращая в веселую шутку то, к чему их истинные друзья внушали им глубокое отвращение» (перевод И.Гуровой) [5. С. 63].

Другая, прозаическая действительность выступает в «Агнес Грей» не только как объект восприятия субъектом сознания,

my life, I must stand alone: there was no retreating now, I must enter the house, and introduce myself among its strange inhabitants [2. С.39].

«Все же, в конце концов, когда мы въехали в высокие железные ворота, когда мы мягко проехали вверх по гладкой, хорошо утрамбованной подъездной аллее с зелеными лужайками, усыпанными молодыми деревьями с каждой стороны, и подъехали к новому, но величественному особняку Уэлвуда, возвышающемуся над тополиной рощей, сердце мое упало. Жаль, что он не находился на милю или две дальше. Мне бы хотелось, чтобы он находился на милю или две дальше. Первый раз в жизни я должна оставаться одна: уже не было возможности отступать, я должна войти в дом и представить себя его незнакомым (буквально: чужим для меня) обитателям» (перевод мой – Е.П.).

Положение повествователя изменилось. Он теперь не в центре огромной небесно-земной сферы, а на земле, вблизи описываемого. Поэтому-то все укрупнилось: в поле зрения повествователя уже не только общая картина, но и отдельные предметы и детали (lofty iron gateway, smooth carriage road, green lawn new but stately mansion и т.д.).

Изменилась и временная точка зрения. Повествователь отделился от описываемого. У него теперь свое время, и из него, из настоящего, всматривается он в мир прошлого («when we entered ..., when we drove ...»). Этот характер изменения временной точки зрения принципиально важен: повествователю противостоит чужая среда, от которой он отделен. С помощью оценочных прилагательных создается впечатление величественности и ухоженности, благополучия (smooth, well-rolled, lofty, new, stately). Во многих других фрагментах текста, выражающих изменившийся характер оценки повествователя, на первый план очень часто выдвигается ирония, сатира или откровенная категоричная критика.

Так, примером сатирического описания служит характеристика дядюшки Робсона, который причинил много вреда подопечным геройни и ей самой. По тону описания сразу становится понятна точка зрения автора.

“Uncle Robson”, Mrs. Bloomfield’s brother; a tall self-sufficient fellow, with dark hair and sallow complexion like his sisters, a nose that seemed to disdain the earth, and little grey eyes, frequently half closed, with a mixture of stupidity and affected contempt of all surrounding objects. He was a thick-set, strongly-built man, but he had found some

представляющим поэтическую действительность, – она сама является в данном случае субъектом. Перед нами очень яркий пример несовпадения формально-субъектной и содержательно-субъектной организации текста. Все герои, принадлежащие к высшему сословию (миссис и мистер Блумфилд, бабушка Блумфилд, дядюшка Робсон, миссис Мэррей, мистер Хэтфилд, Розали, Матильда), представляют собой самостоятельные субъекты речи, но высказывания их передают точку зрения одного сознания. «Формально-субъектная организация текста» богаче «содержательно-субъектной» [3].

Вторая часть романа носит переходный характер. Авторская позиция меняется. После господства в первых тринадцати главах романа эмоционально-нравственной и эстетической оценки действительности во второй части очень важную роль играет установка на ее изучение. Исследуется соотношение, взаимодействие характера и обстоятельств.

И хотя автор не отказывается от оценки в этой части романа, она становится новой. «Such conduct was completely beyond my comprehension. Had I seen it depicted in a novel, I should have thought it unnatural; had I heard it described by others, I should have deemed it a mistake or an exaggeration; but when I saw it with my own eyes, and suffered from it too, I could only conclude that excessive vanity, like drunkenness, hardens the heart, enslaves the faculties, and perverts the feelings; and that dogs are not the only creatures which, when gorged to the throat, will yet gloat over what they cannot devour, and grudge the smallest morsel to a starving brother» [2. С. 215]. «Такое поведение было выше моего понимания. Если бы я встретилась с его изображением в романе, я бы подумала, что оно неестественно; если бы я услышала о нем из уст других людей, я бы посчитала его ошибкой или преувеличением; но когда я увидела его собственными глазами, и даже пострадала из-за него, я смогла заключить, что излишнее тщеславие, как и пьянство, ожесточает сердце, порабощает способности, развращает чувства; и что собаки не единственные существа, которые, когда сыты по горло, все же будут пожирать глазами то, что проглотить не смогли и пожалеют малейший кусочек для своего умирающего с голода собрата» (перевод мой – Е.П.).

Повествователь отделен от событий временным интервалом. Из настоящего он анализирует свой прошлый опыт, уже пережив его и оставаясь эмоционально не вовлеченным в ситуацию. Поэтому в

тексте используются не прямые оценки людей, а приводится рассуждение над ситуацией и оценка поведения персонажей в целом. По сравнению с первой частью романа, где изобиловали такие прямые и однозначные характеристики, как mischievous (непослушный), intractable (трудновоспитуемый), false hood and deception (ложь и обман), mild and inoffensive (мягкий и безобидный), harsh and injudicious treatment (жестокое и неразумное отношение), bad disposition (скверный нрав), prejudiced eyes (взгляд с предубеждением), stupidity (тупость), во второй – оценочных слов намного меньше и оценки слажены (unnatural, a mistake, an exaggeration, excessive vanity, и глаголы suffered, hardens, enslaves, perverts). Сослагательное наклонение во втором предложении показывает неестественность ситуации, в которую автору трудно поверить. Кроме того, чтобы передать свое отношение к происходящему, автор прибегает к непрямому сравнению – параллели с животным миром, рисуя образ объевшихся собак на сене. Автор усложняет манеру повествования, передавая свою мысль с помощью построения сюжета, набора сцен без комментария повествователя.

Подводя итог наблюдениям за соотнесенностью речи повествователя и героини, необходимо отметить, что сознание повествователя пребывает в разных временных пластах – динамическом событийном прошедшем времени Агнес героини и медитативном настоящем повествователя. Свообразие художественного замысла Э. Бронте выразилось в том, что, погруженный в воспоминания о прошлом, повествователь эволюционирует на протяжении всего романа. Вначале он – «ретранслятор художественного замысла, прибавляющий к времени сюжета изображение времени автора, изображение времени исполнителя – в самых разных комбинациях» [6]. Но во второй части романа повествователь все больше проявляет себя как человек с определенной жизненной позицией, кроме того, неравнодушный к происходящему.

Таким образом, при исследовании модальности в романе «Агнес Грей» можно заключить, что автор проявляется на уровне всего текста через прямо-оценочную, косвенно-оценочную точки зрения и через отражение в языке. Причем самые интересные и сложные моменты этого проявления можно увидеть в стиле произведения. На протяжении всего романа прослеживается смена характера

оценочности. После господства в первой части произведения эмоционально-нравственной и эстетической оценки действительности во второй части очень важную роль играет установка на ее изучение. Это подтверждает переход автора от идеалистического взгляда на жизнь к реалистическому. Модальность дает представление о существовании двух сознаний в исследуемом тексте (поэтического и прозаического), что подтверждается и субъектным строем романа, которое находит отражение в системе образов.

Библиографический список

1. Корман Б.О. Творческий метод и субъектная организация произведения // Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1992. С. 141-149.
2. Bronte A. Agnes Grey. London - New York: Penguin Books, 1999. 257 р.
3. Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1992. С. 172-189.
4. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. С. 96-104.
5. Бронте Э. Агнес Грей. Москва: АСТ, 2002. 270 с.
6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. С. 211-212.

Сведения об авторе

Полякова Елена Анатольевна
аспирант кафедры зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: alena7@rambler.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147:811.1

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ АУДИРОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОСНОВЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.П. Коваленко

Пермский государственный технический университет, Пермь

В статье обсуждаются вопросы методики формирования лексических навыков аудирования, обозначаются объекты аудирования, анализируются структура и функции дидактической системы информационной основы. Предлагается также единый комплекс упражнений с интегрированной в него информационной основой речевой деятельности.

Ключевые слова: аудирование иноязычной речи, условия аудирования, лексические навыки, информационная основа речевой деятельности, система упражнений в аудировании.

Methodology for Developing Lexical Listening Skills Using the Information Framework of Speech Activity
Marina Kovalenko

The article outlines a methodology for developing lexical listening skills, identifies listening comprehension items, reviews the structure and function of the didactic system within the information framework of speech activity, and proposes a comprehensive set of exercises, with speech activity information framework integrated therein.

Key words: listening comprehension, listening comprehension items, lexical listening skills, information framework of speech activity, a set of listening exercises.

На протяжении нескольких десятилетий процесс восприятия на слух речи, в том числе иноязычной, является объектом пристального внимания психологов и лингвистов. Проблеме обучения иноязычному аудированию посвящён целый ряд научных исследований. В них успешно рассматриваются такие аспекты аудирования, как психологические механизмы и развитие их у слушающего (И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, Н.И. Жинкин, И.Э. Фейгенберг, Г.Г. Сабурова, Р.М. Грановская, Н.С. Харламова), развитие навыков и